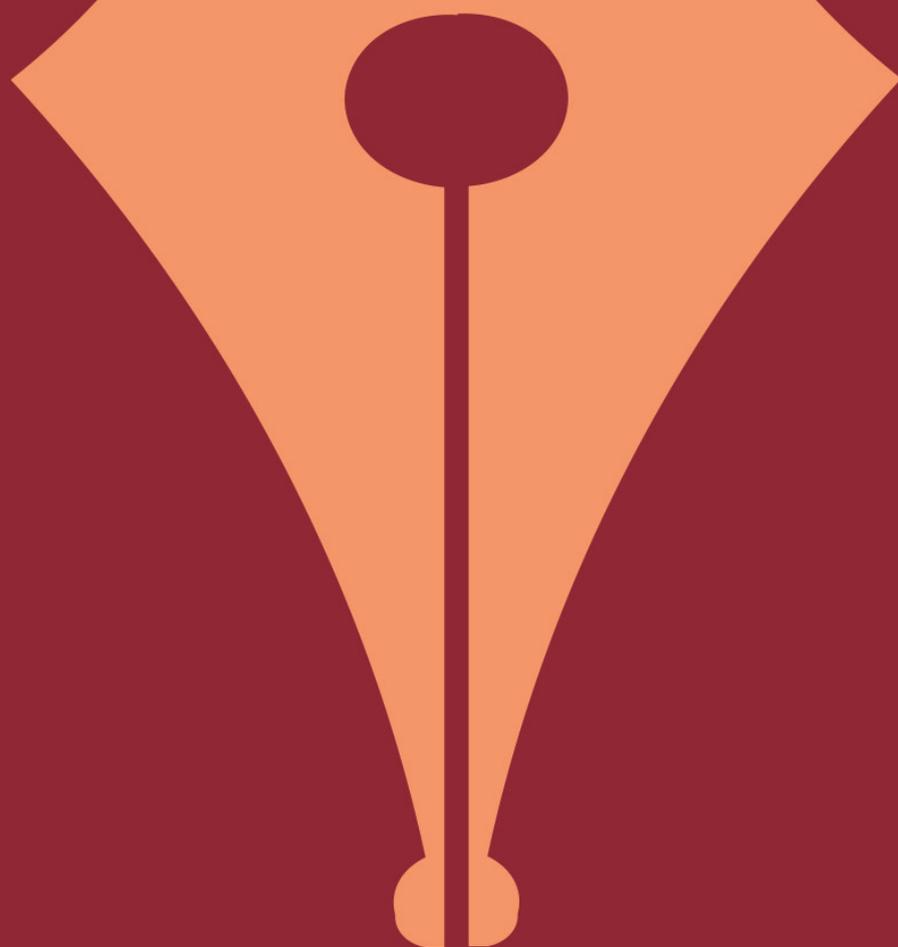


ИВАН БУНИН



МЕЛИТОН

Иван Бунин

Мелитон

«ЭКСМО»

1930

Бунин И. А.

Мелитон / И. А. Бунин — «Эксмо», 1930

«Были светлые майские сумерки, я ехал верхом по нашему Заказу. Лошадь шла узкой дорогой среди свежей поросли осин и орешника. Кругом все было молодо, зелено, соловьи нежно и отчетливо выщелкивали по сторонам, перекликались друг с другом. Уже давно село солнце, но лес не успел еще стихнуть: горлинки журчали где-то вблизи, кукушка куковала в отдаленье... В майские ночи сон слаб и недолог, до рассвета брезжит, заря зарю встречает...»

© Бунин И. А., 1930

© Эксмо, 1930

Иван Бунин

Мелитон

Были светлые майские сумерки, я ехал верхом по нашему Заказу. Лошадь шла узкой дорогой среди свежей поросли осин и орешника. Кругом все было молодо, зелено, соловьи нежно и отчетливо выщелкивали по сторонам, перекликались друг с другом. Уже давно село солнце, но лес не успел еще стихнуть: горлинки журчали где-то вблизи, кукушка куковала в отдаленье... В майские ночи сон слаб и недолог, до рассвета брезжит, заря зарю встречает.

Я выехал к поляне, где стояла караулка. В лощине за поляной лежал большой, полноводный пруд. Над прудом, над столетними березами и дубами, окружавшими его, слабо означался бледный и прозрачный круг месяца. А возле пруда на пне сидел Мелитон и кидал сухие прутья в жаркий и проворный костерчик, разведенный в земляной печурке под котелком, висевшим в ней. Как всегда, очень чисты были его заплатанные портки и рубаха, ладно подвязаны онучи. Он сидел, поставив на колени локти, положив лицо в ладони, смотрел на огонь, а сам напевал что-то тихим и тонким, совсем женским голосом.

– Ай карасиков наловил, Мелитон? – спросил я, соскакивая с лошади.

Он поднялся, вытянулся во весь рост, с той особой выправкой, что присуща была когда-то только николаевским служакам, и тотчас принял бесстрастное выражение, как бы стараясь скрыть постоянную печаль своих бледно-бирюзовых глаз. Росту он был высокого, телом худ и костляв. Серые густые брови и такие же усы, на щеках сходящиеся со щетинистыми баками, придавали ему вид суровый, но лысина зги бирюзовые глаза и чистая крестьянская рубаха, свидетельствующая о готовности лечь «под святыне» когда угодно, говорили о кроткой, отшельнической жизни.

Когда картошки в чугушке стали сипеть и бурлить, он потыкал в них щепочкой и снял чугушник с огня. Огонь стал потухать, только красная грудка жара светилась в землянке. Возле нее пахло сгоревшей дубовой листвой, а когда старик стал чистить картошки, запахло так вкусно, что я попросил и себе парочку. И мы молча стали ужинать возле неподвижного стемневшего пруда, в тишине и сумраке все еще не гаснувшей весенней зари. Закат за деревьями вправо алел нежно и тонко, и казалось, что там уже рассветает.

– Мелитон, – спросил я с юношеской простодушностью, – правда, тебя сквозь строй прогоняли?

– Правда-с, – ответил он просто и кратко.

– А за что?

– А, конечно, за глупость, за провинности...

Он ушел в избу, а я долго сидел один, глядя на тлеющие угли. Появился он из сумрака неслышно и принес с собой еще один ломоть ржаного хлеба, ножик, сделанный из старой косы, и горсть крупной соли. Ласково и нервно виляя хвостом, прибежал за ним Крутик, маленький, веселый, но отчаянно злой, несмотря на свою веселость. Он тоже сел возле печки, с удовольствием зевнул, облизнулся и стал следить глазами за каждым движением Мелитона, круто солившего хлеб. Соловьи по-прежнему пели страстно и звонко, нежно и удало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.